

УДК 1(37-38)(091)+009 Елена Погонченкова
**ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОГО АНТИКОВЕДЕНИЯ В
 КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

Исследуется проблема противоположных подходов в современном изучении античности. Анализируется связь проблемы с оппозициями «аналитического-континентального» и «тёплого-холодного» (А. И. Афанасьев). Обнаружена необходимость проблематизации конфликта в терминах гуманитарного знания, которая способна привести к установлению общего истока и возможному примирению подходов.

Ключевые слова: антиковедение, аналитический подход, континентальный подход, историзм, типы рациональности.

Философия держала диалог с античной традицией на всех этапах своего развития. К античности обращались как с критикой и попытками низвержения авторитетов, так и с пристальным вниманием для поиска оснований собственным философским разработкам. Европейская цивилизация неизменно оглядывается на античность с целью включения её в том или ином виде в собственную культурную и философскую систему координат. Общепринятая точка зрения на философию как принципиально специфическое порождение греческого сознания обнаруживает отношение философов к античной традиции как определенного рода мере, «золотому сечению», способному отделить философское от не-философского, указать начало пути рационального мышления. С этим феноменом связаны также упреки в отсутствии философской мысли, обращенные, в частности, к славянской и, в большей степени, русской философской культуре, которая (исходя из них), не была способна установить адекватную преемственность между античной и средневековой мыслью, и теперь вынуждена «калькировать» философию западного образца. «Вся история философии может быть представлена сегодня как единый текст, неравномерно отражающий разные эпохи античной мысли» [6, с. 37], – метко резюмирует сложившуюся ситуацию Ю. А. Шичалин. Сегодня мы становимся свидетелями того, что античная философия представляет собой не только адресата обязательных для каждого историко-философского исследования «реверансов», но и одну из сторон непрекращающегося философского диалога. И, что еще более важно, образ античности имеется у каждого человека, так или иначе причастного философскому мышлению, и, будучи проработанным или нет, он действует, действие же его зачастую отражается на результате работы. Переключка с античностью – неотъемлемая часть философской культуры, и будучи таковой, она нуждается в регулярной перепроверке, в подтверждениях или же разоблачениях специалистов, что

обеспечивает необходимость философского антиковедения.

Антиковедение сегодня представляет собою междисциплинарную область исследований, в которой преобладают историческая и филологическая составляющие, однако задействованы также философские идеи, искусствоведение, социальные, политические и культурные исследования. И хотя в последнее двадцатилетие антиковедение активно развивается – созываются конференции и семинары, растет количество тематических изданий, образуются специализированные научные центры – неизбывными в связи с ним остаются проблемы методологического характера, зачастую отсылающие к фундаментальным проблемам философии, эпистемологии и гуманитарного знания. Осевой проблемой, без обращения к которой не обходится ни одна монография, является совмещение двух противоположных подходов, своеобразная антитеза историко-филологического и философского, буквализма и интерпретации, чтения и понимания, аналитики и интуиции, возникающая в связи с реконструкцией ситуации философского мышления на основе текстов, как правило, фрагментарных. Ей, в частности, был посвящен круглый стол, прошедший в августе 2007 г. в рамках междисциплинарного проекта «Преподавая античность. Фундаментальные ценности в изменяющемся мире», на котором ведущая С. В. Месяц после сообщения о столкновении с данной проблемой в собственном опыте задаёт ряд определяющих вопросов: «Если «философский» и «филологический» подходы к тексту коренятся в двух совершенно разных складах ума, если они преследуют разные цели и используют разные методы, то как сочетать их друг с другом? И следует ли вообще это делать? Необходимо ли философу идти на поклон к историкам и филологам, учась у них способам аутентичного прочтения текста? Или же не следует бояться прочитывать чужой текст как свой?» [5, с. 281]. Фактически, по окончании дискуссии, каждый из беседующих, несмотря на предложения по комбинированию противоположных позиций в своей деятельности, всё же остался склонным к одной из них. В действительности ни одно исследование в области антиковедения не может обойти, разрешение этого вопроса, но на сегодняшний день редкая работа содержит четкие ответы и методологические руководства.

В важнейшей для сегодняшнего понимания античности работе «Античные начала философии» А. В. Ахутин берёт на себя смелость утверждать, что «там, где современной философии удаётся войти в суть собственного дела, она подходит к сути древнегреческой философии ближе, чем иные исторические исследования» [2, с. 17]. Только обратившись к античной философии «изнутри общефилософской озадаченности» [2, с. 19], мы сможем сохранить собственно философский взгляд вместо

археологической заинтересованности древним. Ахутин здесь выражает позицию философа, не всегда проговариваемую, но подразумеваемую, когда мы говорим о мыслителях, обращающихся к античности – от Ницше до Лосева, от Хайдеггера до Мамардашвили. Но может ли антиковедение как дисциплина быть обоснована подобным образом?

Сегодня мы наблюдаем традицию западного антиковедения, представленную именами Джонатана Барнса, Джулии Аннас, Джона Диллона, Леонидаса Баргелиотеса, Теодора Эберта, как узкоспециализированную область преимущественно филологической направленности, применяющую методологию, которая разрабатывалась в рамках аналитического подхода англо-американского образца. К подобному развитию в строгом научном ключе стремится и русскоязычное антиковедение, представители которого видят антиковеда строгим аналитиком, дотошно изучающим тексты. Таковыми предстают, например, новосибирские исследователи М. Н. Вольф и И. В. Берестов, основатели проблемного подхода, призванного противостоять позициям, согласно которым «древние философы оцениваются в зависимости от того, насколько реконструируемые современными интерпретаторами решения совпадают с идеалом самого интерпретатора» [2, с. 203]. Время осевых идей, вокруг которых пересматривается и по-новому собирается история философии, по мнению представителей проблемного подхода, прошло. «Проблемное видение избавляет нас от <...> бессмысленных высказываний о философах и, что важно, не отбрасывает уже состоявшиеся концепции, заменив их на новые, нередко трактуемые как абсолютно новые, а даёт полную картину взаимовключенности концепций в единое проблемное поле, где каждый из философов участвует в создании общей для всех мозаики» [3, с. 206]. Несмотря на всю строгость и серьёзность заявленной позиции, её авторы видят острую необходимость в отграничении от каких бы то ни было намёков на так называемый «телеологический прогрессизм». Создаётся впечатление, что одним из важнейших пунктов в самоопределении так понятого аналитического подхода является указание на то, чем он *не является*: а именно, то и дело подчеркивается отказ от претензий на целостное и непротиворечивое изложение истории философии, а также от наивных чаяний универсализма и априоризма; при этом аргументируются более конструктивные возможности внеисторического познания, в основе своей имеющего логические связи. «Меня интересует аргументация текста, а не истина, к которой он мог бы меня привести», – призналась Марина Вольф в своем выступлении на семинаре, прошедшем в феврале 2013 года, на котором посчастливилось присутствовать автору. При этом наблюдается отказ от

претензии в своем исследовании представить идеи древнегреческих авторов, какими они были «на самом деле», а вместо него целью видится достижение максимальной неангажированности и нахождение того, что зачастую теряется в других исследованиях, ограниченных рамками своих подходов. В мышлении в рамках аналитического подхода имманентно присутствует отсылка к противоположной традиции известной под названием континентальной. Пожалуй, прозвище «континентальный» – единственный способ объединить философов порой диаметрально противоположных школ и направлений. В сфере античных штудий «континенталь» характеризуются обнаружением интереса к связи той или иной проблемы с насущными для них вопросами, используют её как вспомогательный материал, «континентальная» античность, как правило, обладает определёнными контекстуальными связями и соотносится с современностью.

Таким образом, мы обнаруживаем еще один уровень рассмотрения антитезы, обозначенной как противопоставление «историко-филологического» и «философского» подходов, на котором последний едва ли имеет право на свое название. В специальном исследовании С. Кричли «Вступление к континентальной философии» [4] констатирует факт отказа англоязычного научного мира от восприятия континентальной традиции в качестве философской – курсы по феноменологии или герменевтике являются скорее «уступкой заинтересованным студентам», а рецепция континентальной философии осуществляется на непрофильных литературоведческих факультетах и не выходит за границы *cultural studies*. Следует ли из этого вывод, что континентальную традицию в современности можно отнести к области гуманитаристики и если да, то какое положение относительно неё занимает соперничающая точка зрения?

Антиковедение как область собственно научных изысканий зарождается в XIX веке на волне формирования гуманитарных наук: развитие истории и филологии и выделение чётко определённых областей исследования заставляет деятелей этого столетия заново прочитывать всем известные тексты, разрабатывать методологию, анализировать способы понимания и толкования. Среди новых требований особо выделяются историзм и необходимость имманентного понимания эпохи, выделение «духа» культуры, действующего в истории. Античность, увиденная под новым углом, из будто бы всем известной «колыбели европейской цивилизации» превращается в новый богатый объект для исследования. Если первые систематизированные научные труды по истории философии, в том числе античной, относят к XVII веку, новый историзм XIX века обретает переломное влияние благодаря идее развития, которая проникает в самую ткань историко-философских исследований посредством философии

Гегеля. С этого времени выносятся требование понимания философского учения в обязательно существующей связи с учениями как предыдущими, так и последующими. Самораскрытие и самообнаружение Абсолютного духа Гегеля предполагает существующей истину, которая так или иначе (но никогда целиком) отражается в разнообразных философских системах, своим потенциальным существованием задавая ось, которая способна скрепить идеи разных времён и определять направление их развития. Фактически, в это время полностью складывается модель античности, которая в таком виде преподаётся и сегодня, включая последовательность изложения и опорные концепты рассмотрения. Следовательно, обе стороны конфликта интерпретаций античной философии, который в настоящее время приобрёл наиболее острую форму, исторически имеют общее начало. В какой момент они пришли к подобному противопоставлению?

Если мы обратимся к развитию антиковедения после его утверждения в системе гуманитарного знания, мы необходимо должны будем отметить, что уже со второй половины XIX века, когда система Гегеля подвергается масштабным критическим переосмыслениям, концептуальное ядро антиковедения остаётся тем же, в то время как упор в разработках делается на конкретизацию исследований и методологию. В XX веке существенно расширяют своё влияние герменевтические и текстологические методы, одновременно углубляется и сфера их применения – одно за другим выходят ставшие сегодня классическими издания-антологии античных произведений (собрание Дильса-Кранца, корпус Арнима), за ними следует переводческий бум, поднявший проблемы выявления точной хронологии, научной атрибуции и критериев оценки традиционных текстов. Обе интересующие нас традиции прочтения античности – производные явления конкретного применения антиковедческих наработок.

Конфликт, разделяющий античные исследования, может и должен быть проблематизирован в категориях исследования гуманитарного знания. А. И. Афанасьев выделяет два типа рациональности гуманитарного знания, строящихся на противостоящих друг другу, но одинаково важных видах духовной деятельности – «теплом» и «холодным»: «С одной стороны, выделяется сфера строгой, традиционной науки с жесткими критериями научной рациональности, типичными научными теориями и парадигмами, объяснительными функциями, количественными оценками, «холодной» картиной мира, общенаучными идеалами и нормами, что обеспечивается объектным подходом, позволяющим там, где можно и нужно, исключить влияние субъекта-исследователя и исследуемого объекта-субъекта» [1, с. 152], ей противостоит сфера субъектной рациональности, которая выходит за рамки позитивной научности, но при этом такое знание может быть

объяснено рационально, соответствовать культурным и социальным нормам, а также действовать на уровне сознания отдельного индивида. Исследователь предлагает на основе разделения влияния сфер рациональности выделять в области гуманитарного знания гуманитарные науки (социология, история, некоторые подходы в литературоведении) и гуманитаристику. Согласно такой установке, мы можем отнести аналитический подход в антиковедении к его научной стороне, имеющей в своей основе объективную рациональность. Но и такое решение соотношения подходов антиковедения не освобождает нас от вопросов: во-первых, идеалом объективной рациональности, грезящей о полном нивелировании интенциональности субъекта, является Абсолютный Разум, то есть, оно «подразумевает некоторые внеаучные феномены духа <...>, которым придаётся бессубъектный характер» [1, с. 154], во-вторых, формирование предмета гуманитарного знания не может обходиться без влияния субъективной рациональности, так как ученый-гуманитарий работает с нарративами, единичностями и явлениями ценностно окрашенными. Оба вопроса связаны с зависимостью гуманитарных наук от философских идей, в которых они укоренены. И в первую очередь, это идеи немецкого романтизма и классической диалектики гегелевского образца. В случае с аналитическими установками в антиковедении мы сталкиваемся с определённой иронией, так как историзм и телеологичность, вносящие сумятицу в античные штудии, воспринимаются под знаком Гегеля, видящего в античности начало того процесса, который пришел к логическому завершению в его собственной системе. Правомерно или нет, но «гегелевская» позиция превратилась сегодня в имя нарицательное, и этот факт вызывает несомненный интерес. С одной стороны, в Гегеле мы видим сборный образ философа, каким он не должен быть, по мнению антиковедов-аналитиков, и в этом случае он служит удобной мишенью для критики, под знаком которой могут быть объединены совершенно разные философы. С другой – Гегель оставил неизгладимый след в понимании античности, и если гуманитарные штудии XIX века сравнивать с горнилом, в котором было отлито современное антиковедение, оформилось оно в наибольшей степени под влиянием гегелевских представлений.

Вновь обратившись к Саймону Кричли, мы можем отметить присутствие некоторой асимметрии соотношения аналитического и континентального подходов – среди прочего она заключается в различном отношении к традиции. Аналитическая линия вплоть до последнего времени мало интересовалась своей историей, в то время как континентальная является глубоко историчной и ведет непрерывную работу по переосмыслению традиции. Озабоченность аналитиков помещением

теоретической установки в современный контекст приводит к забвению исторической природы наук, и часто этот факт может являться причиной столь фундаментального разрыва. Первые шаги по сближению двух традиций – двух способов мышления – делаются в настоящее время, появляются авторы-аналитики, осознающие неполноту подхода чисто позитивистского и тяготеющие к устранению границ. Однако этот вывод может быть сделан в западной перспективе, в русскоязычном же пространстве само по себе разграничение не обнаруживает такой глубины в силу понятных исторических причин – и если до конца следовать оппозиции аналитического – континентального, русская, а затем советская философия обнаруживает свое родство со вторым. Возможно, поэтому аналитические методы приобретают такую популярность на территории СНГ и всё еще занимаются разработкой своих обоснований.

Противопоставление двух противоположных тенденций в антиковедении, таким образом, является созвучным как двум основным линиям развития философии в XX веке – аналитической и континентальной, так и гуманитарной науке и гуманитаристике – областям, занимающим крайние позиции в широком спектре гуманитарного знания. Путём сопоставления можно выйти на постулирование более широкого конфликта, а именно – конфликта мировоззренческого, который кроется за подобными соперничающими позициями. Исследователь, находящийся в таком конфликте, должен в первую очередь ответить на вопрос о сущности философского, а затем и историко-философского, знания. Уже не раз упомянутый С. Кричли в качестве наиболее общих названий для обозначения данной дилеммы использует оппозицию сциентизм – обскурантизм. Эти две мировоззренческие крайности, по мнению исследователя, то и дело создают переломы в развитии философии после Канта: в то время как сциентизм грозит забыть «жизненный мир» и полностью исключить человеческое измерение, обскурантизм апеллирует к слишком общим понятиям, которые не проясняют сущности того или иного явления, но только лишь затемняют её. Разрешение такой ситуации, вероятно, необходимо искать в строгом феноменологическом подходе.

Однако феноменология, как и герменевтика, считывается западным миром в рамках сугубо гуманитарных, не имеющих ничего общего с философским категориальным аппаратом. Аналитическая интерпретация текстов не связывает себя с герменевтикой гадамеровского толка, которая предполагает через анализ текста раскрытие «мироотношения» (Weltverhältnis), включённого в структуру герменевтического опыта – её аппаратом скорее пользуются литературные критики и искусствоведы.

История философии, акцентирующая свой научный характер, работает с филологической методологией анализа текстов. Но следует ли обнаруживать размежевание настолько чётким? В данном случае необходимо упомянуть советскую антиковедческую «школу», воспитанную А. Ф. Лосевым, который обращался с материалом античных штудий в феноменологическом ключе. Работы подобные «Образу античности» С. С. Аверинцева сближают филологический анализ с литературоведческим, обнаруживая перед читателем, что эти области не имеют меж собою пропасти. Обращение к основаниям обоих подходов, которое может быть совершено только путём анализа истоков гуманитарного знания, призвано примирить враждебные друг другу методологические установки и, возможно, вывести оптимальный способ интерпретации античности сегодня.

Список используемой литературы

1. Афанасьев А. И. Субъектная рациональность гуманитарного знания // Актуальні проблеми духовності.– Кривий Ріг, 2007.– Вип. 8.– С. 151–161.
2. Ахутин А. В. Античные начала философии.– СПб.: Наука, 2007.– 784 с.
3. Вольф М. Н. Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // SCHOLA.– Новосибирск, 2007.– Т. I.– № 2. – С. 203–246.
4. Кричлі С. Вступ до континентальної філософії / Пер. з англ. В. Менжуліна.– К.: Стило, 2008.– 152 с.
5. Чтение философского текста: материалы круглого стола // SCHOLA.– Новосибирск, 2007.– Т. I.– № 2. – С. 276–298.
6. Шичалин Ю. А. История античного платонизма в институциональном аспекте.– М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2000.– 439 с.

Олена Погонченкова

ПРОБЛЕМА ФІЛОСОФСЬКОГО АНТИКОЗНАВСТВА У КОНТЕКСТІ ГУМАНІТАРНОГО ЗНАННЯ

Досліджено проблему протилежних підходів у сучасному вивченні античності. Аналізується зв'язок проблеми із опозиціями «аналітичного-континентального» та «теплого-холодного» (О. І. Афанасьєв). Виявлено необхідність проблематизації конфлікту в термінах гуманітарного знання, яка є здатною до встановлення загального витоку і можливого примирення підходів.

Ключові слова: антикознавство, аналітична традиція, континентальна традиція, історизм, типи раціональності.

Elena Pogonchenkova

PHILOSOPHICAL CLASSICAL STUDIES AS A PROBLEM IN THE CONTEXT OF HUMANITIES

The article represents the problem of two opposite approaches in modern philosophical classical studies. It could be described as the opposition of

philosophical and historico-philological methods. "Philosophers" endeavor to communicate with classical texts instead of "archeologizing" them while "historico-philologists" claim for objectivity with analytical problematic approach. This conflict can be read in terms of «analytical – continental» opposition analyzed by Simon Critchley. According to Critchley, philosophy of "continental" type in Anglophone world gets a place among humanities and its methods cannot permeate into the strictly philosophical side. In Ukraine and Russia, philosophical classical studies are a part of humanities, but they still get a free access to "continental" approaches. Classical studies first appeared in the 19th century, thus both sides of the conflict have the same root in humanitarian knowledge of the ?poque. Therefore it is possible to apply to the problem the humanities classification by Alexander Afanasyev. He argues for dividing the whole of the humanities in two parts according to two types of rationality: on the "cold" side there are most analytical humanitarian sciences which use positivist-like methods, on the "hot" side there is a subjective-rational knowledge which cannot be fully scientific. It is impossible to locate philosophical classical studies on the "cold" side because they deal with philosophy and must consider tradition. Still the conflict might be solved by use of phenomenological type of approach in its connection to classical history philology.

Keywords: *classical studies, analytical tradition, continental tradition, historicism, types of rationality.*

References

1. Afanas'ev A. I. (2007) Sub'ektnaja racionalnost' gumanitarnogo znaniya [Subjective rationality of humanitarian knowledge]. *Aktual'ni problemi duhovnosti. Krivoj Rog*, # 8, pp. 151-161.
2. Ahutin A.V. (2007) Antichnie nachala filosofii [Antique origins of philosophy]. *SPb, Nauka*, 784 p.
3. Vol'f M. N. (2007) Problemnij podhod k issledovaniju drevnegrecheskoj filosofii [Problem approach to the study of classical philosophy]. *SCHOLA, Novosibirsk*, T. I, # 2, pp. 203-246.
4. Krichli S. (2008) Vstup do kontinental'noi filosofii [Continental Philosophy: An Introduction]. *Kiev, Stilos*, 152 p.
5. Chtenie filosofskogo teksta: materialy kruglogo stola (2007) [The reading of philosophical text: round table materials]. *SCHOLA, Novosibirsk*, T. I, # 2, pp. 276-298.
6. Shichalin Ju. A. (2000) Istorija antichnogo platonizma v institucional'nom aspekte [History of ancient Platonism in the institutional aspect]. *Moscow, Greko-latinskij kabinet Ju. A. Shichalina*, 439 p.

УДК 130.2+316.658

Наталія Рибка

ЛІНГВОКРЕАТИВНА ДІЯЛЬНІСТЬ ПО СТВОРЕННЮ СУЧАСНИХ МИФІВ

В статті здійснюється дослідження особливостей сучасних мовних процесів на предмет визначення їх креативних та стереотипних складових. Акцентується увага на тому, що креативні властивості мови в умовах сучасності використовуються для створення елементів міфологічності, як проявів стереотипності, у різних сферах суспільної свідомості (реклама, політика та інші.)

Ключові слова: *креативність мови, лінгвокреативність, міфотворчість, сучасний міф, стереотип.*

В умовах заглиблення глобалізаційних процесів, пов'язаних із становленням інформаційної економіки, активізуються процеси взаємопроникнення культур, при цьому постають питання взаєморозуміння, загострюються мовні ситуації, виникають проблеми, що стосуються впливу форм мови та мовлення на сприйняття світу представниками різних лінгвокультурних груп. Все це надзвичайно ускладнює людську діяльність, потребує неформальних творчих підходів до їх вирішення.

Отже, особливу роль зараз здобувають дослідження креативних процесів як найбільш ефективних способів здійснення будь-якої діяльності. Успішний розвиток, як окремої людини, так і суспільства у цілому тепер не може здійснюватися без збагнення креативних складових найрізноманітніших соціальних феноменів. Важливими, тому, стають всі дослідження, що пояснюють підстави креативності мовної діяльності.

На сучасному етапі розвитку філософії була виділена тема взаємодії між креативністю мови й творчих здатностей людини. Розробка аспектів креативності мови здійснюється шляхом розробки проблем креативності особистості; креативності текстів, креативність у бізнесі, проблеми співвідношення креативності і інтелекту, розвитку методів навчання та стимулювання креативності. Серед фахівців, що вивчають креативність, творчість взагалі, важливо відзначити праці О. Л. Богатирьової, К. К. Жоля, А. А. Леонтьєва, О. Н. Овсяннікової, В. З. Панфілової, Е. Н. Ремчукової, А. А. Реформатського, Р. П. Трофімової, В. В. Фещенко, Р. Якобсона і інших.

Філософські та соціально-філософські дослідження креативності мови, принаймні, серед зазначених джерел, відсутні. При цьому необхідно відзначити, що у відповідних роботах, присвячених проблемам активності творчого впливу мови на людину або зачіпають її, термін «креативність мови» використовується вкрай рідко або не використовується взагалі. Дослідження представників класичної німецької філософії, вітчизняних